

УЛЬТИМАТУМ ДЛЯ ДЖЕССИКИ

Сэм Шепард сказал себе, что этот бесподобный эпизод он непременно включит в свой будущий сценарий. Его жена Джессика Лэнг неслась верхом на гнедой кобыле. Белокурые волосы Джессики, выбившиеся из-под белой шапочки, разметались по плечам, и во всей ее фигуре сквозила отчаянная, бесшабашная решимость.

Бывавшись наконец из-под родительского контроля, Джесси с восторгом погрузилась в пьянящую атмосферу свободы, царившую тогда в Европе

взмыла вверх, но ей чуть-чуть не хватило высоты. Она резко запрокинула голову назад, сильно ударив наездницу по лицу. В следующую секунду Джессика лежала на земле без сознания.

Когда Лэнг уже в больнице пришла в себя, оказалось, что она не помнит ни как ее зовут, ни кто она такая. Ни мужа, ни детей Джессика не узнавала. Через день больная пришла в какое-то странное возбуждение, и Шепард с изумлением обнаружил в ее жестах и интонациях томную надломленность Фрэнсис Фармер, актрисы 30-х годов, которую Лэнг когда-то сыграла в фильме «Фрэнсис». Зрелище было жутковатым: Джессика, одетая в длинный черный халат, растрепанная, с расширенными зрачками, все твердила, чтобы ей дали опиум, и грозила покончить с собой. Она то и дело повторяла, что очень одинока и у нее совсем никого нет. Врачи опасались, что в результате падения у актрисы мог повредиться рассудок.

К счастью, этого не произошло, и на третий день к Джессике вернулась память. Однако Сэма эта история заставила задуматься: его насторожило, что во время амнезии подсознание жены выдало идентификацию именно с этим образом — одинокой, глубоко несчастной женщины, запутавшейся в своей беспутной богемной жизни; парадокс заключался в том, что Фрэнсис Фармер являлась полной противоположностью Джессики. С точки зрения Шепарда, Джессике Лэнг гораздо естественнее было бы перво-наперво вспомнить имена своих детей. Выходило, что он, Сэм, не так уж хорошо знает свою жену, как ему казалось раньше.

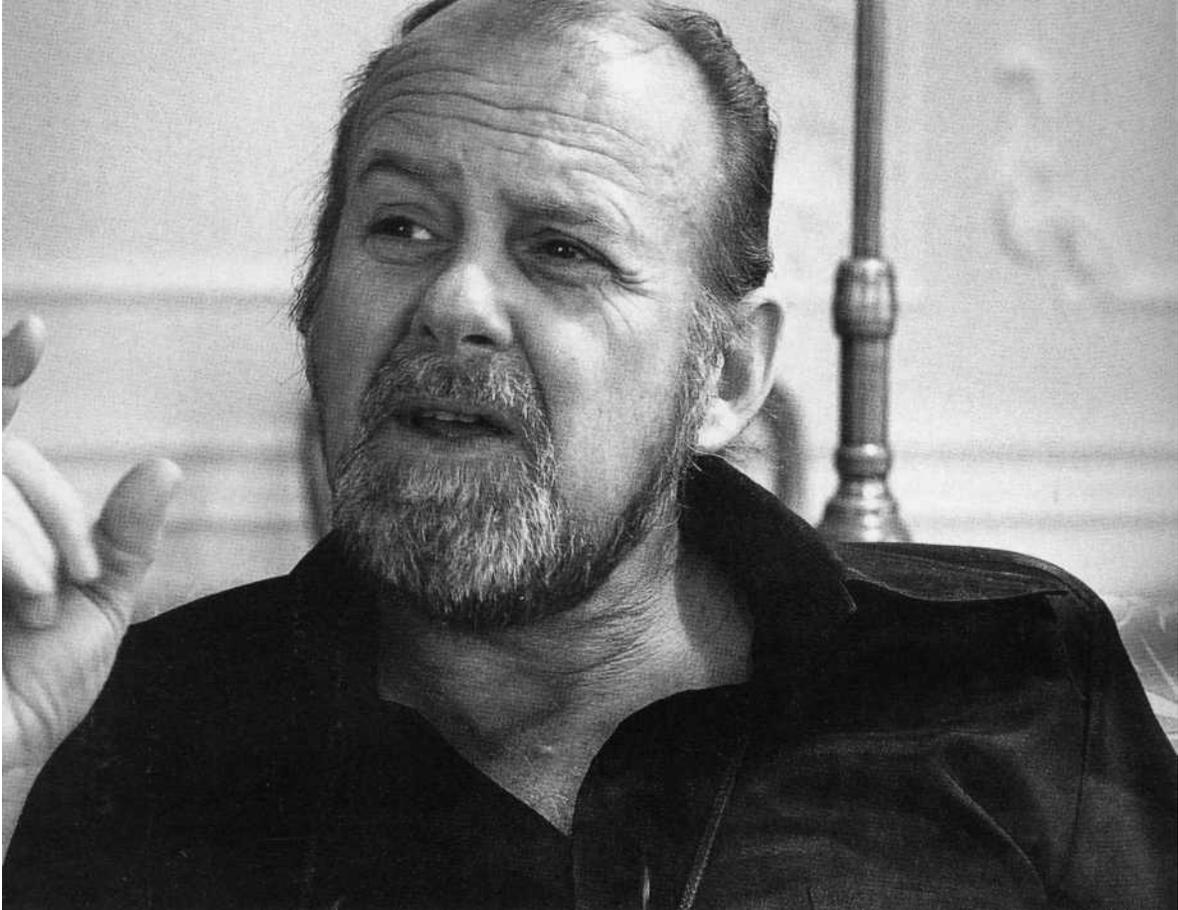
С самого начала совместной жизни Сэм мечтал видеть Джессике эдакой богиней плодородия, ходящей босиком по земле и вечно беременной. В 1985 году, когда они переехали жить на эту тихую ферму, откуда до ближайшего городка не меньше полчаса езды, Шепард решил, что его мечта близка к осуществлению. Вскоре после переезда Джессика родила ему погодков — Ханну и Уолкера, и, кроме того, у нее уже была четырехлетняя дочка Шура от Михаила Барышникова. Большую часть времени Джессика вела себя как безупречная фермерша и преданная жена и мать — сама готовила, ухаживала за животными, копалась в огромном фруктовом саду, возила детей на музыкальные и спортивные занятия. Но ее хватало месяца на два-три, не больше. Потом начинались неприятности: в один прекрасный день Джесс замолкала, уходила в себя, и требовались недюжинные усилия, чтобы выудить из нее хотя бы слово. Ее одолевала мигрень, затем следовал период депрессии, и дело обычно заканчивалось горстями психотропных препаратов. При этом Джессика никогда ни на что не жаловалась, мужа не упрекала и говорила, что это у нее просто «плохая наследственность» — якобы все женщины в их роду страдали чем-то подобным. Обычно Шепард удовлетворялся этими объяснениями, но только не на сей раз.

Не верилось, что она участвует в таких скачках впервые. Рядом с Сэмом и Джессикой по необъятному полю летели еще около пятидесяти скакунов. Вот путь им преградила неширокая речка. Тренированные лошади, не мешкая, сошли в воду и пересекли реку вброд. Сэм оглянулся на жену: молочина, и тут не испугалась! Спустилась в воду — и бровью не повела.

Сэм Шепард был помешан на лошадях; тут неподалеку, на их ферме в глубинке штата Вирджиния, он разводил и тренировал скаковых лошадей: в первую очередь — для удовольствия, во вторую — для продажи.

Они уже возвращались. Им оставалось преодолеть последнее препятствие — довольно высокое проволочное заграждение. Джессика мчалась впереди; кобыла

Его желание разобраться в природе подобных расстройств жены было вызвано не только недавним ин-

После выхода «Кинг-Конга» пресса называла Джессику Лэнг «сладенькой бездарностью». Но Боб Фосс считал по-другому

цидентом. Осенью 2000 года одна из голливудских студий заказала сценаристу и драматургу (а по совместительству еще и актеру) Сэму Шепарду сценарий с рабочим названием «Джессика Лэнг без грима». Несмотря на то что Лэнг уже исполнилось 50, интерес к ней по-прежнему был огромный. Она, к примеру, только что получила престижную лондонскую театральную пре-

кывался вид на бескрайние поля, пологие холмы и поблескивающую вдали речку. Обычно жене и детям вход сюда был строго воспрещен. Джесси с лукавым видом уселась на краешек стула и сложила руки на коленях, как старательная ученица, готовая внимательно слушать преподавателя. Неожиданности начались сразу.

Джессика, одетая в длинный черный халат, растрепанная, все твердила, чтобы ей дали опиум, и грозила покончить с собой

мию за роль Мэри Тайрон в пьесе «Долгое путешествие в ночи». Редчайший случай, чтобы снобы-англичане открыто признали американскую актрису!

Что касается сценария, то Шепард понимал: без помощи Джессики ему не обойтись. Сама же Лэнг отнеслась к этой затее с юмором, шуточно заявив, что раз про нее будет писать сам лауреат Пулитцеровской премии Сэм Шепард, то она заранее согласна с любой интерпретацией.

...Улучив момент, Шепард позвал Джессику в свой просторный кабинет со стеклянной стеной, откуда от-

— Джесси, я думаю, что начинать надо с самого ударного года твоей жизни, 1982-го. Нет возражений?

Не дожидаясь ответа, Сэм начал что-то записывать. Какие, ей-богу, могут быть возражения? Во-первых, в 1982 году Лэнг за картины «Фрэнсис» и «Тупси» дважды номинировали на «Оскар» — случай в Голливуде более чем знаменательный; во-вторых, в том же году они с Джесси познакомились... Услышав характерный хриплый смешок жены, Шепард в недоумении поднял голову от блокнота.

— Хочешь честно? — спросила Джесс. — Тогда записы-

резвиться со стадом павианов — ради Бога! Можно, например, безо всякого дурацкого стеснения — «А что он обо мне подумает?» — подойти вон к тому классному парню с перевязанными ленточкой длинными волосами и предложить позаниматься вариациями на тему «Камасутры»: «Мои любимые позы такие-то. А твои?»

Приключения Джессики Лэнг, собственно говоря, начались со знакомства с 26-летним испанцем Пако Гранде, фотографом-авангардистом, учившимся вместе с ней в университете Миннесоты. Пако все перевернул в голове Джесси вверх дном. До него она была скромной приличной девочкой, разве что чересчур мечтательной. Правда, ее семья, связанная корнями с миннесотскими фермерами, была довольно своеобразной: отец Джессики, Эл Лэнг, обладал таким неутомяным темпераментом, что больше одного года не мог усидеть на одном месте. Он то и дело менял дома, города и профессии. Эл работал то школьным учителем, то менеджером по продажам, то служащим на железной дороге... Джесси помнит это неуютное чувство — каждый год быть в школе новенькой и носить испытующие взгляды одноклассников: за годы ее учебы семья переезжала 11 раз! Скорее всего именно от отца Джессика унаследовала беспокойный нрав, непоседливость и вечное стремление к чему-то, названия чего она и сама не знала. К сожалению, от матери девочке досталась опасная склонность к меланхолии: добродушная домохозяйка Дороти Лэнг, мать четверых детей (у Джессики было две старшие сестры и младший брат), никак не могла приспособиться к такому суматошному образу жизни и страдала нервными расстройствами.

Вывравшись из родительского дома и очутившись в бурлящей университетской среде конца 60-х, Джесси немедленно попала под влияние андерграундной идеологии. Пако, настроенный весьма антиамерикански, всяче-

Она помнит это неуютное чувство — каждый раз быть в школе новенькой. За годы ее учебы семья переезжала 11 раз!

вай: самый счастливый год для Джессики Лэнг — 1968-й. Месяц — май. Место действия — Елисейские поля, Париж.

...Едва услышав о молодежных беспорядках, 19-летняя Джессика примчалась сюда на мотоцикле из Амстердама с приятелем, испанцем по имени Пако. Студенты и рабочие заполнили широкую улицу, в огромную толпу демонстрантов вливались все новые и новые потоки людей. Молодые возбужденные лица, на многих — яркая экзотическая одежда; ей запомнился огромный лозунг «Время и место любить — здесь и сейчас!» Джесси тогда толком не понимала политического смысла происходящего, ее просто пьянило это непередаваемое чувство свободы, сознание того, что отныне можно все, буквально все! Самовыражайся, как твоей душе угодно: хочешь сидеть в Индии на шкуре антилопы и медитировать — пожалуйста, хочешь в джунглях

ски подбивал ее сбежать из этой «провинциальной дыры» в Европу — мол, только там стоящая жизнь, стоящая культура, стоящее искусство и все прочее. В результате Джесси беспечно бросила университет, и они укатили за океан.

Надо сказать, что она никогда об этом не пожалела. Ночи на открытом воздухе в парках бок о бок со множеством других юных искателей стоящей жизни, безумие рок-фестивалей, поклонение «Битлз» и «Роллинг стонз», незабываемые амстердамские булочки с гашишем, труппа цыган, играющих фламенко, в которой они с Пако кочевали несколько месяцев подряд... Джесси и сама обожала, обрядившись в цыганские юбки и поярче накрашившись, бродить со своей подругой, настоящей цыганкой Розой, по улицам Парижа, Марселя, Лондона, Страсбурга, Амстердама, Венеции и заывать: «Красавчик, дай погадаю!»

Посредине зала какая-то пара изображала странный сексуальный танец. Присмотревшись, Джессика узнала танцоров: это был ее Миша и Лайза Миннелли

перформансы, экспериментальный театр. Джесси фотографировала, рисовала и оформляла выставки; потом от художеств перешла к танцам и в составе авангардной группы «Ellie Klien» отстукивала четкую на чердаках Сохо вместе с великими черными танцовщиками Сэндменом Симсом и Чаком Грином. В какой-то момент, пресытившись всем этим, она предоставила печальному Пако Гранде созерцать свой удаляющийся силуэт: Джесси снова уезжала в Париж, на этот раз категорически одна, с тремястами долларов в кармане — учиться искусству пантомимы у знаменитого мастера Этьенна Декру, учителя самого Марселя Марсо. Только случившийся у ее матери инсульт заставил девушку через несколько месяцев вернуться в Америку.

— Вот на этом, собственно говоря, самый счастливый период моей жизни и закончился. А потом началась... жизнь неповторимой актрисы Джессики Лэнг, — Джесси передразнила интонацию знакомого телеведущего.

— Да ладно тебе! — Сэм недоверчиво покачал головой, — Неужели твое самолюбие не вознесло тебя на небеса, когда ты, одна-единственная из нескольких сотен претенденток, получила роль в «Кинг-Конге»?

— Ты не поверишь, до какой степени мне было на это наплевать! Я тогда только-только начала всерьез заниматься йогой с одним гуру в Нью-Йорке; меня, можно сказать, переполняли возвышенные цели, и мне было вовсе не до глупостей вроде кино!

...Вернувшись в Манхэттен, Джессика устроилась официанткой в богемный ресторанчик «Львиная голова» и заодно подрабатывала в модельном агентстве. Тут-то ее и нашел продюсер «Кинг-Конга» Дино де Лаурентис и повез на пробы в Лос-Анджелес. Вокруг тряслись от страха разодетые девушки-кандидатки, а Джесси, явившаяся на прослушивание в потертых джинсах и свободной майке, смотрела на них со снисходительной иронией: она ни секунды не сомневалась, что роль достанется ей. Как известно, так оно и случилось. И все же, перед тем как подписать контракт, Джесси долго разду-

Джесси обожала, обрядившись в цыганские юбки и поярче накрашившись, бродить по улицам Парижа и зазывать: «Красавчик, дай погадаю!»

Поиздержавшись в средствах, Гранде и Лэнг неохотно вернулись в Штаты. Жили в трейлере и пару лет провели на больших и малых американских дорогах, довольствуясь случайными заработками и наслаждаясь постоянной сменой пейзажа и свистом ветра в ушах. В конце концов они осели в нью-йоркском богемном квартале Сохо, нелегально поселившись на одном из просторных чердаков, где кроме них жили еще с десяток волосатых молодых людей: все это называлось коммунной. В Сохо всю кипела постмодернистская жизнь: художественные галереи на любой вкус, экзотические

мывала: а как же йога? а новый бойфренд? а пантомима?

После выхода фильма Лэнг прочитала про себя в рецензиях, что она «сладенькая бездарность» и «совершенно безнадежна». Беспечно махнув рукой — мол, не очень-то и хотелось, — она собралась в Северную Каролину налаживать со своими приятелями работу экспериментального театра пантомимы.

— Ты так и напиши, — теперь Джессика стояла над Сэмом, как строгая учительница. — Голливуд ей тогда показался таким пошлым, таким буржуазным, таким продажным, безвкусным, чопорным...

Шепард не без удовольствия смотрел на оживленную, раскрасневшуюся жену: она явно вошла в роль себя самой двадцатилетней давности.

— Голливуд Голливудом, Джесси, но нам никак не удастся обойти твои отношения с Барышниковым. Он слишком заметная фигура, к тому же у вас общий ребенок. Честно говоря, я никогда толком не понимал, что вас связывало.

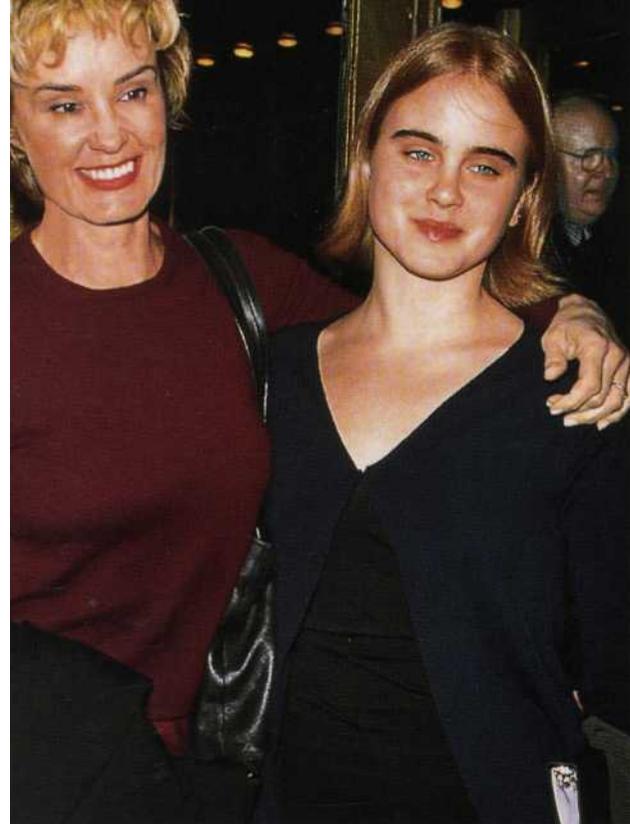
— Я только очень тебя прошу, Сэм, не делай из меня в этой истории невинную страдалицу. — Джессика скорчила гримасу. — Ведь с ним я была по-своему счастлива... — в ее голосе вдруг послышались непередаваемые ностальгические нотки.

Вот тебе раз! А он-то всю жизнь думал наоборот! Разве не Джессика в свое время его в этом и убедила?

— Миша, — с ударением на последнем слоге хрипло произнесла Джессика, — покорила меня своей красотой, конечно. У него были такие необыкновенные романтические голубые глаза!

Весной 1976 года на одной из голливудских вечеринок Милош Форман указал Джесси на молодого человека в плавках у бассейна. Она не могла оторвать глаз — ее поразила даже не безупречная пропорциональность его фигуры, а нежно-белый, молочный цвет кожи, словно он был прозрачный. «Это Майкл Барышников», — невнятной скороговоркой сообщил ей Форман, не сомневаясь, что Джессика знает, кто это такой. Вдруг кто-то из гостей вскричал: «Миша, Миша, пирует! Пожалуйста!» И белоснежный Миша неожиданно воспарил в воздух и облетел бассейн по периметру высокими балетными прыжками. Гости восторженно зааплодировали. Позже Форман подвел Джессику к Барышникову. «Добрый день, господин Нуреев», — протягивая руку, почему-то выпалила Джессика. Фамилию танцовщика она толком не расслышала, но ни минуты не сомневалась, что это именно Нуреев — единственное русское имя из области балета, которое было ей знакомо. Огромные глаза Миши уставились на нее с любопытством. «Наверное, он классный любовник», — неожиданно подумалось Джессике.

Так начался их роман, продлившийся в общей сложности около семи лет. Барышников оказался для Лэнг как нельзя более подходящим партнером: в нем все опровергало стандарт и скуку, а этот критерий всегда был для Джессики самым важным. Экзотический русский с необычной судьбой, каким-то немыслимым образом вырвавшийся из-за советского «железного занавеса», был опьянен свободой и потому готов на всяческие сумасбродства. Они общались на плохом французском — английского он тогда почти не знал, — и это придавало их разговорам особую прелесть какой-то недосказанности. Про Барышникова ходили сплетни, что он бисексуал, но Джессику в этом смысле трудно было чем-нибудь удивить. Ей страшно понравилось, когда Миша сразу объявил, что о семейной жизни, всяких там совместных апартаментах и общих трапезах не может быть и речи: во-первых, он все время гастролирует, во-вторых, быт убивает любовь. Джессика радостно внимала этим речам: ей как никому другому были близки подобные рассуждения. Романтика их отношений долго приводила ее в восторг: в основном они встречались в разных частях света, приезжая друг к другу на гастро-

— Это будет лучший комплимент Бобу, — невозмутимо отозвалась Джессика.

Фосс не был праведником, также как и она; в нем, как и в ней, тоже жила сильнейшая тоска по чему-то, что он не мог найти в серой скучной повседневности. Так же как у нее, у Боба не было дома, и он колесил по миру, нигде надолго не задерживаясь.

Однажды Фосс затащил Лэнг в свое любимое место в Нью-Йорке — знаменитый ночной клуб «Студия 54»: здесь собирались артистические и литературные «сливки» Манхэттена — от Элизабет Тейлор до Трумэна Капоте. Каждый веселился на свой манер: кто плясал, кто упивался виски, кто до одури нанохивался кокаином. Джессика и Боб пришли в самый подходящий момент: посредине зала какая-то пара изображала странный сексуальный танец. Присмотревшись, Джессика узнала танцоров: это был ее Миша и Лайза Миннелли, которую он тискал, обнимал, подхватывал на руки и страстно целовал. Джесси несколько минут любовалась этим зрелищем, потом залпом выпила поднесенный Фоссом бокал шампанского и, медленно поводя бедрами, вышла на середину зала, встав прямо перед парочкой. Глядя Барышникову в глаза, она начала исполнять перед ним свой собственный танец. Лайза замерла на месте от неожиданности, а Миша вдруг ожил, потянулся к Джессике, подхватил ее и завертел в каком-то головокружительном вихре. Когда музыка

Форман подвел Джессике к Барышникову. «Добрый день, господин Нуреев», — протягивая руку, почему-то выпалила Лэнг

ли или съемки: в Париже, Риме, Каире, Дели. Заключив друг друга в объятия, они сутками не выходили из отеля: их тела не уставали радоваться встрече и понимали друг друга без слов.

Тем временем у Джессики шла своя, независимая от Барышникова жизнь. Ей неожиданно написал Боб Фосс: оказывается, после «Кинг-Конга» он без ума от Лэнг. Фосс предложил ей роль соблазнительного ангела смерти в своей автобиографической картине «Весь этот джаз». Джесси не слишком хотелось снова сниматься, однако на нее произвел сильное впечатление сам Боб. После этого фильма про Лэнг написали, что она вовсе не «пустышка», а напротив, «подает блестящие надежды». Впрочем, опять-таки гораздо больше ее волновал тогда внезапно начавшийся роман с Фоссом.

С Бобом невозможно было соскучиться, он был неотразимо обаятелен и абсолютно непредсказуем. Мог прийти на свидание в чопорный манхэттенский ресторан в шотландской юбке и босиком, мог принести в подарок небольшую змею. Мог на спор залить в себя три бутылки бренди и не опьянеть или довести ее до оргазма по телефону, находясь на другом конце света.

— Ты не возражаешь, если эта подробность тоже войдет в сценарий? — ирония Шепарду не удалась, голос у него дрогнул.

стихла, Джессика сделала Барышникову чопорный реверанс и под восторженные пьяные выкрики посетителей «Браво, Джесси!» исчезла из заведения.

— Что ж, действительно — браво, Джесси! Это будет одна из лучших сцен в нашем фильме, — почти не кривая душой, произнес Сэм. — И ты хочешь сказать, что с тех пор Миша превратился в твоего верного и преданного рыцаря? Кстата, а куда делся Фосс?

— Фосс? Никуда. Постепенно наши отношения как-то сошли на нет. А вот с Мишей...

В 1980 году, когда шли съемки картины «Почтальон всегда звонит дважды», газеты разнесли слухи о страстном романе Лэнг с Николсоном, ее экранным любовником. Никакого романа у них на самом деле не было, однако этих сплетен оказалось достаточно, чтобы Барышникова чуть ли не каждую неделю заносило на съемочную площадку. Персона знаменитого сердцееда Николсона в качестве соперника почему-то вдруг задела самолюбие танцовщика. Однажды случилось так, что Миша стал свидетелем съемок знаменитой сцены, в которой Николсон насиловал Джессике на кухонном столе. Эпизод был отснят только с пятого дубля, а вечером того же дня Миша в гостиничном номере чувствительно дал Джессике понять, что такое ревность по-русски.

— Неужто в ход пошла плетка? — не удержался Сэм. —

Сэм долго не мог понять — что Джессика в нем нашла? Ведь в Шепарде не было ничего, что ее привлекало в мужчинах

— Ну и как он отреагировал на эту новость? — поинтересовался Сэм.

Улыбнувшись, Джесси резко вскочила, взъерошила волосы, широко раскрыла глаза и забегала взад-вперед по комнате. «Джесси, подумай сама, — заговорила она с сильным русским акцентом, — ну какой из меня отец? Посмотри на себя в зеркало — ну какая ты мать? Да и вообще, дети — это конец любви! Ты растолстеешь! Фу!»

— Надеюсь, ты хотя бы влепила ему пощечину? — спросил Шепард, тщетно стараясь раскурить свою трубку.

— Конечно, и еще какую-, я влюбилась в тебя!

— Я только одного не понимаю, — медленно произнес Сэм, — что ты во мне нашла? Во мне ведь нет ничего из того, что тебя так привлекало в мужчинах. Я правильный зануда, поборник семейных ценностей, противник богемной жизни и свободной любви. Я никогда не принесу на свидание змею и вряд ли буду бить жену плеткой.

Шепард задумался. В 1981 году режиссер картины «Фрэнсис» Грэм Клиффорд предложил Сэму сыграть небольшую роль любовника Фрэнсис Фармер — Гарри Йорка. В своем кабинете в студии «Парамаунт» Клиффорд представил Шепарда исполнительнице главной роли — 32-летней Джессике Лэнг. Актриса, одетая в свободный широкий комбинезон и слегка растрепанная, не сумела даже протянуть ему руку, так как кормила из бутылочки сидящего рядом с ней в прогулочной коляске крепкого розовощекого ребенка. «Моя дочь Александра!» — представила младенца Лэнг. Сэм насмешливо наблюдал за ней: он не терпел таких вот легкомысленных мамаш, которые повсюду таскают за собой младенцев, вместо того чтобы предоставить их заботам нянь, раз уж сами не в состоянии посидеть с ребенком.

Вечером после съемок в гостиничном номере Барышников чувствительно дал понять Джессике, что такое ревность по-русски

Я, кажется, даже слышу в твоём голосе гордость. Что, это было так приятно?

— Ну ты знаешь, я тогда любила острые ощущения, — уклончиво ответила Лэнг.

— И все же, Джесси, прости, но законный вопрос: при таких нелепых отношениях, при таких взглядах на семью зачем ты родила от него ребенка?

Затем, что к 1981 году, когда родилась Шура Барышникова, Лэнг уже страшно устала от одиночества, которое на самом деле испытывала, от бездомности, от мучительной неопределенности связи с Мишей, как, впрочем, и со всеми остальными. Родить ребенка и обрести наконец родное существо, которое будет в ней по-настоящему нуждаться, стало ее идефикс. В глубине души она надеялась, что, возможно, рождение общего с Барышниковым чада внесет в их союз стабильность.

Однако немного понаблюдав за Лэнг на съемочной площадке, Сэм изменил свое мнение — Джесси действительно оказалась талантливой, умной актрисой. Кроме того, на него произвела впечатление ее красота, особенно в этих женственных платьях и шляпках 30-х годов... И все же Сэм предпочитал избегать ее общества, так как ясно читал в глазах Джессики недвусмысленный интерес к своей персоне. Всем вокруг было известно, что Лэнг — жена Барышникова и мать его ребенка, хотя они никогда не были женаты официально. Как бы то ни было, Джессика упорно искала предлога остаться с Шепардом наедине. Он не менее упорно делал вид, что не понимает намеков. Однажды случай все-таки представился: вечером они оказались вдвоем в ее номере. Джессика была немного навеселе и держалась с игривой развязностью.